

Чтобы на автомашине к вечеру попасть в район нового гидроузла, из Перми надо отправляться рано утром. Лучше всего на рассвете. Выезжая из города, невольно обратишь внимание на ярко горящие в предутренней мгле огни иллюминации на крекингах и башнях атмосферно-вакуумных трубчаток Пермского нефтеперерабатывающего завода. Море огней — не иллюминация. Так освещены рабочие места аппаратчиков, многие из которых несут вахту на высоте двадцати-двадцатипятиэтажного дома.

Когда машина пробежит первый десяток километров, встретится село Большое Савино. Оно приметно по большому каменному зданию клуба, выстроенному вскоре после войны. Здесь центр известного на Западном Урале колхоза «Новый путь» — одного из первых миллионеров. В клубе работает лекторий «Ученые рассказывают колхозникам», иными словами говоря, сельский университет культуры, какие возникли в первый год семилетки в связи с движением бригад коммунистического труда.

С «Новым путем» издавна соперничает колхоз имени Сталина, земли которого раскинулись вокруг следующего большого села — Култаево. На всю область прославились доярки этой артели А. И. Тебенькова и А. В. Чугаева. Они славно начали первый год семилетки: только за три зимних месяца каждая из них надоила более 1 100 литров молока от коровы. Не так давно такие надои во многих колхозах и районах области получали за год.

Колхозное село заметно меняет облик. За околицу Култаева вытянулась улица-новостройка рубленых домов с железными крышами. У сельской площади появилось здание общественной столовой, а невдалеке от него — сельмаг с большими окнами-витринами. Там, где от тракта отделяется дорога на уральский курорт Усть-Качку, появилось здание большого колхозного клуба.

За селом Болгары дорога поднимается на перевал и бежит по лесу. Особенно хорошо здесь во второй половине мая. Березки только еще оделись в летний наряд, и нежно-зеленые их листья словно покрыты лаком, искрятся. Стоит березнячок, одетый молодой листвой, а за ним виднеется вся лесная даль. И кажется, что на мир смотришь через легкую шелковую ткань с чудесным зеленовато-золотистым узором. Принаряжены скромные молодые осинки. Попадет какая-либо из них в солнечные лучи — и засмотришься. Грозди сережек, которыми усыпаны ее ветви, кажутся серебряными. Потянет легкий ветерок, и ждешь: а не зазвонят ли они?

С маем по лесной красоте может поспорить, пожалуй, лишь сентябрь — пора золотой осени. Березки только-только подернутся золотом, а высокая молодая осина, что стоит с левой стороны тракта, рядом с тригонометрической вышкой, уже стала багряной. Говорят, что раньше всех в осенний наряд одеваются березы. Спорить не буду. Но что эта осина-кокетка опережает их, я замечаю не первый год.

Взбежит машина следом за трактом на кряж и кружит по самой его вершине. Через десяток километров ее путь пересечет высоковольтная линия электропередачи: теперь это — неотъемлемая деталь уральского пейзажа.

А вот и спуск. Здесь надо обязательно остановиться и оглядеться. На юг и юго-восток тянутся покрытые еловым лесом кряжи уральского предгорья. Конца-края им нет. Неоглядная даль тает в фиолетовой дымке. После дождя дымка исчезает, воздух становится легким, прозрачным, и кажется тебе, что весь Урал виден.

...Позади последний перевал. Скоро Кама. Миновав деревню Полуденную, попадаем в Юго-Камск — типичный старый уральский рабочий поселок. Возник он так же, как и Очер, Павловск, Суксун, Нытва, у завода. Но, подъезжая к Юго-Камску, никакого завода не увидишь. Только присмотревшись внимательно, можно заметить поднимающиеся из-за плотины металлические трубы. Объясняется такое очень просто. Все уральские заводы, которые когда-то приводились в движение водой, стоят ниже уровня прудов.

История Юго-Камского завода сложилась так, что и вторая его жизнь связана с использованием водной энергии. Когда смелые советские люди «запрудили» великую труженицу Каму у города Перми и она начала крутить турбины гидростанции, Урал стал гораздо богаче электричеством. Из Перми по падям и перевалам пошли шагать к Юго-Камску металлические мачты линии электропередачи. Завод перестал испытывать недостаток в электроэнергии, началась его реконструкция.

Это старый завод. Он был основан Строгановыми двести с лишним лет назад, точнее — в 1746 году. Был вначале медеплавильным, а когда истощились выработки медных песчаников, начал развиваться как железоделательный. Во второй половине XVIII века на заводе и медь плавили, и кричное железо делали, и якоря ковали.

Здесь и до сих пор рядом живут XVIII и XX века. Новая двухэтажная заводская поликлиника, школа с большими светлыми окнами, недавно выстроенные кирпичные жилые дома и

рядом — поросшее мохом здание каменной церквушки с невысокими, раздавшимися книзу колоннами, купеческие дома — первый этаж кирпичный, второй — деревянный. В первых этажах — и по сей день верно служащие местным кооператорам лабазы-магазины с коваными железными дверьми и ставнями.

Такие же контрасты и на заводе. Двухэтажное здание конторы, по всему видно, построено еще при Строгановых. Кирпичные стены метровой толщины способны выдержать удар пушечного ядра. Двери тяжелые, окованные железом. Навешаны они в те времена, когда медь, обильно политая кровью и потом рабочего люда, хранилась не на складах, а от греха подальше — в железных кладовых конторы. Над входом — железный узорчатый козырек на двух легких чугунных столбах, отлитых уральскими мастерами. А на противоположной стороне заасфальтированной и обсаженной молодыми березками площади — новое светлое здание заводской рабочей столовой.

На территории завода — старое приземистое кирпичное сооружение, которому от роду лет сто пятьдесят, не меньше, и большой современный корпус механического цеха. Отсюда начинает расти новый завод. В цехах — быстроходные станки — последнее слово техники, а есть и такие, на которых работает третье поколение здешних токарей. С каждым годом старого становится все меньше и меньше. К концу семилетки завод превратится в современное предприятие нефтяного машиностроения.

За Юго-Камском, от которого до Воткинской ГЭС добрых две сотни километров, уже чувствуется ее приближение. Деревушки, не так давно стоявшие у обочины тракта, перенесены ближе к заводскому поселку. Рядом с трактом появилась насыпь-дамба. Вырублен лес, подходивший не так давно к самой дороге.

Со временем здесь будет дно нового моря, которое разольется от плотины Воткинской ГЭС до самой Перми. Юго-Камский завод получит собственный морской порт. Он так же, как и высоковольтная линия электропередачи, вдохнет новую жизнь в старинный поселок.

На той стороне Камы — в Оханске, центре крупного сельскохозяйственного района, городе, которому скоро исполнится триста лет, тоже ожидается большая вода. Перенесены стоявшие у переправы дома, ушла от берега Камы и широкая гравийная дорога.

За Оханском вдоль тракта почти в непрерывную цепочку вытянулись деревни Копыловка, Половинка, Тулумбаиха, При-

тыка, Шалаши—населенные пункты известного колхоза «Новая деревня». За ними, чуть-чуть ближе километрового столба с цифрой 78, — небольшой указатель: «Горюхалиха. 1 км». Стоит пройти в сторону десятка два метров — и откроется вид на пруд. Ближе к противоположному берегу, почти рядом с небольшой деревенькой, — побеленное кирпичное здание и какие-то деревянные сооружения на плотине. Это Горюхалинская ГЭС мощностью в 240 киловатт — первая на Урале сельская электростанция. От нее в 1925 году в крестьянских избах Западного Урала зажглись первые лампочки Ильича.

Теперь чуть выше по Очере стоит Дубровская ГЭС в 240 киловатт, затем Горно-луговая в 400 киловатт и, наконец, такая же четвертая — Очерская — у самого завода. Все они закольцованы и представляют из себя единую энергосистему, освещают колхозные села, дают ток на фермы и тока сельхозартелей Оханского, Очерского и Больше-Сосновского районов.

В Очере построена подстанция, и недавно каскад сельских ГЭС включен в Уральскую энергосистему. Под конец долгой зимы, когда запасы воды в очерских водохранилищах подышшатся и гидростанции не смогут давать много энергии, колхозам поможет рабочий Урал.

Каскад гидроэлектростанций на Очере — чуть ли не первая в стране сельская энергосистема. По теперешним масштабам очень маленькая Горюхалинская ГЭС, первая ступень каскада, вместе с электрическим светом принесла в крестьянские избы правду о советской власти, помогла большевикам провести в здешних краях коллективизацию, по-новому перестроить жизнь уральской деревни.

В год тридцатилетия Горюхалинской сельской электростанции на Очере уже была перекрыта великая уральская река, вступили в строй девять агрегатов Камской ГЭС. Ныне станция работает на полную мощность, которая равна мощности 2100 Горюхалинских ГЭС, и дает Уралу миллиарды киловатт-часов дешевой электроэнергии.

У села Большая Соснова, следующего районного центра, старинный тракт пересекает высоковольтная линия электропередачи. Она идет из Краснокамска на строительство Воткинской ГЭС. Единая энергосистема Урала смогла оказать строителям щедрую помощь потому, что на нее не первый год честно трудится Камгэс.

Если бы о Больше-Сосновском районе пришлось вести речь год-два назад, то, пожалуй, ничего особенного нельзя было бы

сказать: типичная глубинка без какой-либо промышленности, длительное время отстающий район. Другое дело теперь.

Нынче в Большую Соснову ездят учиться. Случилось и так, что сюда набираться ума-разума по совету обкома партии приехали партийные, советские и колхозные руководители крупнейшего сельскохозяйственного района — Осинского, земли которого раскинулись по берегам Камы, пожалуй, в самых благодатных местах Западного Урала. Словом, многих уже обогнали большесосновцы. Об этом районе уже не скажешь одним словом — «глубинка».

В конце села Большая Соснова старинный тракт, по которому мы ехали, берет вправо; а чтобы попасть на Воткинскую ГЭС, надо свернуть круто влево — на юг. Сразу за околицей наша дорога поднимается в гору и потом узкой лентой бежит с кряжа на кряж среди уральского предгорья.

Взберется машина на очередной перевал, и впереди открывается величественная панорама этого края. Слева внизу раскинулась живописная долина реки Сива, которая будет сопровождать почти до самой Воткинской ГЭС. Дальше, пока хватит глаз, — цепь невысоких горных хребтов. По ним гигантскими шагами идут на Воткинскую ГЭС мачты высоковольтной линии электропередачи из Краснокамска. Вправо, на запад, цепи холмов заметно ниже. На склонах — ржаные и пшеничные поля, и среди них маячат бобылки-ели, реже — богатые листвою липы, так в одиночестве и совершающие свой жизненный путь.

Перебираясь с перевала на перевал, машина незаметно добежит до следующего большого села — Черновского. За ним сразу начинается «ничейная» земля. Дорога с каждой сотней метров становится все хуже и хуже: черновские в ту сторону меньше ездят и тракт не держат. Ближе к границе с Удмуртской АССР только по глубоким колеям, которыми перепаханы поля, а больше — крутые подъемы и спуски с кряжей, можно угадать, что правильно держишь путь.

Перед Кольчином, первым селом Удмуртии, дорога опять хорошая. Через небольшие речушки перекинута аккуратно сделанные деревянные мостики.

Километров через двадцать-тридцать, миновав небольшой сосновый бор, попадаем в Воткинск — один из крупных промышленных центров Удмуртии. Город украшает огромный заводской пруд. Набережная пруда представляет собой большую заасфальтированную магистраль-бульвар, на которую смотрит целый массив многоэтажных жилых домов.

За плотиной тихий уголок старого Воткинска. Здесь в тени высоких берез стоит большой белый дом с мезонином, а перед ним — памятник П. И. Чайковскому. Это бывший дом начальника завода, в семье которого родился великий русский композитор. Сейчас в доме разместились музей и детская музыкальная школа имени Петра Ильича.

Город расположился вокруг известного в стране Воткинско-го ордена Ленина машиностроительного завода — старейшего предприятия Приуралья. Первый год семилетки совпал с его двухсотлетием. Завод дает стране locomobiles, узкоколейные паровозы, металлорежущие станки. Широкие горизонты открываются перед заслуженным коллективом в семилетке.

Именем этого славного города названа вторая гидро-станция на Каме.

ВТОРАЯ СТУПЕНЬ КАМСКОГО КАСКАДА

Станция Кварса, вернее — полустанок, на железнодорожной ветке местного значения Ижевск—Воткинск. Судьба предначертала ему стать плацдармом второго наступления на Каму.

Несколько лет назад, когда еще шел монтаж последних агрегатов Камской ГЭС, гидростроители направили сюда первые разведочные отряды. Перед ними была поставлена задача приступить к подготовительным работам и, главное, начать сооружать жилье: ведь после пуска на полную мощность гидростанции у города Перми в путь к площадке Воткинской ГЭС должны были тронуться сотни, тысячи строителей.

Сейчас Кварса такой же тихий полустанок, каким был и раньше. Все грузы нынче идут на стройку по собственной железнодорожной линии со станции Армязь, что стоит на левом берегу Камы против Сарапула. О том, что с Кварсы началось продвижение первых отрядов строителей к Каме, говорят сохранившиеся временные постройки, стоянка энергопоезда, который давал электричество первым экскаваторам.

Гравийное шоссе через прикамский лес ведет от Кварсы прямо на берег великой уральской реки. Мачты высоковольтной линии Краснокамск — Воткинская ГЭС вновь появляются у дороги. А потом неожиданно сворачивают на широкую просеку, чтобы через несколько километров с низкого правого берега сделать гигантский прыжок через реку прямо на самую вершину горы, которая круто спускается к Каме.

А вот и Кама. На той стороне по взгорью раскинулся большой поселок гидростроителей — Чайковский, будущий город. С переправы трудно различить границы поселка и стройки. Из-за домов маячат стрелы башенных кранов; кажется, что вплотную к жилым кварталам примыкает огромное сооружение бетонного завода и какие-то промышленные корпуса. Поселок и стройка сливаются в одно целое.

Кама в этих местах заметно шире, чем у Перми, но воды свои она несет гораздо быстрее. Это потому, что гидростроители потревожили ее, врезались в русло котлованом основных сооружений ГЭС. Теснее стало могучей реке. Силы прибавилось, а работы еще нет, вот она и напирает, начинает бушевать.

На переправе всегда людно. А вдобавок к этому произошла еще и заминка: очень близко, не сбавляя хода, прошел огромный теплоход, и волны от него повредили нехитрое устройство паромного причала.

Сидя на берегу, два человека ведут неторопливый разговор. Один из них пожилой шофер-«мазист» — так называют здесь водителей большегрузных самосвалов. Второй — молодой, по всему видно, подобранный шофером пассажир. Он в солдатской форме, с которой не успел еще спороть блестящие пуговицы от погон.

— Ты, парень, напрасно сомневаешься, — не спеша говорит старший. — Раз приехал на стройку, оформляйся, начинай работать...

— Да я и не сомневаюсь. Только у меня специальности настоящей нет. И в школе бы надо еще поучиться. До армии-то не успел десятилетку окончить.

— Об этом и говорить не стоит. У нас в каждом управлении курсы пооткрывали. Учат и на крановщиков, и на арматурщиков, и на электросварщиков. Была бы охота, а специальность любую получить можешь... И школа на поселке есть, своя, вечерняя, и техникум.

— А с квартирой как?

— Место в общежитии, конечно, сразу получишь. А насчет квартиры не спеши. Поработаешь, покажешь себя, женишься, тогда и о квартире думай... Чудной ты какой-то парень, смотрю я. Тебе все сразу подай.

— Да нет... Я просто условиями интересуюсь... Знаю, что на стройке трудноато будет.

— Трудности, конечно, будут. Согласен... Но, чтобы ты понял, в какой коллектив удостоишься попасть, расскажу, как мы начинали. А ты слушай... Слезли мы с поезда на Кварсе, где я тебя подобрал, смотрим, рядом какой-то склад, ветхие сооружения. Приехали, значит, думаем. Кое-как разместились, начали трассу прорубать, карьер вскрыли. Перво-наперво, конечно, дорогу строить начали. В самый разгар лета стали к Каме пробиваться. Днем жара, комаров, мошкары тучи. Не дают работать, да и только. К вечеру жара спадает, но зато от комара вовсе спасенья нету. Так и работаем... Потом нам сборно-щелевые дома привезли.. Это мы их щелевыми за особое качество прозвали. Сквозь стены все наружу было видно... Из таких домов мы сначала небольшой поселок и соорудили. Он у нас слева от дороги остался, не видно было.

И вот случилось так, что мы за один день, не за день даже, а за несколько часов могли потерять все, что с таким трудом далось... Было это года четыре назад. Лето стояло жаркое, сухое, лес кругом сосновый, словно порошок. И, как на грех, случись такое, что надо было загореться ему в самый ветреный день. Смотрим, прямо на поселок мчится огонь. Что делать? В поселок бежать детишек спасать или пожар тушить? За детишек всем боязно, конечно, но решили: сумеем пожар потушить. Пробовали лопатами окапывать, ветками огонь забивали — не помогло. Тогда наши бульдозеристы, как сегодня помню, Сергей Торошин и Плохов-старший (они и сейчас здесь работают), словно на танках, пошли топтать и опахивать пожарище. Жара, дым душит. Больше пятнадцати минут не выдержишь. Один выскочит из этого ада крошечного, а на его место другой бежит, вскакивает на бульдозер — и дальше. Так попеременно и работали, пока пожар не потушили... Видишь, какой лес-красавец

стоит. Не спаси мы его, одни пеньки обгорелые торчали бы на этом месте. Да и поселок наш огонь по бревнышку раскатал бы.

Вот так и начинали мы, парень... Но ты не горюй. И тебе хватит. Самое интересное еще впереди. Вот-вот большой бетон пойдет, а потом будем Каму перекрывать. Наверно, не пришлось в таком деле участвовать? Вот, истинно, как на фронте, наступление проводится. Только чтобы посмотреть на такое, следует тебе остаться здесь...

На переправе, словно по команде, все сразу пришло в движение. Взрели дизели самосвалов. Машины одна за другой осторожно взошли на паром. А минут через десять небольшой катерок, яростно рассекая воду, довольно быстро потащил машину-паром на ту сторону Камы, — откуда у него и сила только взялась.

Чайковский уже не производит впечатление поселка строителей. Он похож скорее на обжитый южный городок. Бетонные улицы-магистрали обрамлены зелеными газонами, в жилых массивах между кварталами домов — скверы, цветники. Украшают поселок самые нарядные и, по всему видно, с любовью построенные здания детских яслей, садов, школ.

Центральная площадь-сквер с фонтаном у клуба «Гидростроитель». Здесь памятник великому русскому композитору П. И. Чайковскому, именем которого назван поселок. С одной стороны на площадь смотрит светлое здание школы и рядом с ним недавно выстроенная мастерская, с другой — корпус трехэтажного универсама.

Ближе к Каме — сквер-цветник. В центре его — высокий обелиск. Это братская могила одиннадцати борцов, в годы гражданской войны отдавших свои жизни за победу советской власти. Гидростроители перенесли прах героев в самое лучшее место своего поселка и воздвигли этот обелиск. Гидростроители чтут память тех, кто не пожалел своих жизней в борьбе за советскую власть. До глубокой осени у обелиска-памятника пламенеют цветы...

Из поселка бетонные магистрали ведут на пристань, в котлован основных сооружений, в городок подсобных предприятий.

Там, где «бетонка» круто сворачивает к котловану, стоит щитовой дом — контора управления основных сооружений. Перед ним стенд с социалистическими обязательствами коллектива, с портретами передовых людей. Одно крыло стенда занимает схема «Строительство комплекса гидротехнических сооружений

водного пути с Камы на Печору». На схеме обозначены гидроузлы, дамбы, водохранилища, Печорско-Вычегодский и Камско-Вычегодский каналы. На Каме цепь гидроузлов замыкается кружочком Воткинской ГЭС.

К чему бы такая схема? Нарисованная рукой местного художника, она сама дает разгадку того обстоятельства, каким образом Воткинская ГЭС из станции мощностью в 540 тысяч киловатт по первоначальному проекту превратилась в миллионную.

Русские люди давно мечтали и даже пробовали проложить водный путь с Камы на Печору и Вычегду. В советское время возникла идея повернуть эти реки вспять, заставить их лучше служить народу. В недалеком будущем эти мечты станут явью. Инженеры ленинградского филиала «Гидропроекта» уже разработали смелую схему переброски вод северных рек Печоры и Вычегды в Каму и Волгу. Ежегодно Кама будет получать сорок кубических километров воды, которые, поработав в турбинах гидростанций, пойдут в Волгу, а из нее — на поддержание жизни древнего Каспия.

Строительство схемы переброски стока северных рек в нынешней семилетке не запланировано. Это — дело будущего. Но инженеры-проектанты рассудили так:

— Давайте сегодня готовиться к тому, что предстоит делать завтра.

И они, не мешая строителям, переделали проект Гидростанции; увеличили ее мощность почти в два раза — довели до одного миллиона киловатт. Вот каким образом появилась цифра 1 миллион киловатт в контрольных цифрах семилетнего плана, утвержденных XXI съездом КПСС.

С Воткинской ГЭС произошло и другое чудесное превращение. Сооружение станции полностью в 1 миллион киловатт будет на 150 миллионов рублей дешевле по сравнению с утвержденным в 1957 году техническим проектом ГЭС мощностью в 540 тысяч киловатт.

Воткинская ГЭС, вторая ступень Камского каскада, — речная гидроэлектростанция обычного типа. Здание ГЭС является как бы составной частью системы плотин, создающих напорный фронт. В нем вместо шести по первоначальному проекту будет размещено десять больших гидроагрегатов с поворотными лопастными турбинами. Мощность генератора каждого агрегата 100 тысяч киловатт.

Последний вариант проекта Воткинской ГЭС инженеры разрабатывали с учетом указаний Центрального Комитета партии о